

Танина Мария Алексеевна

кандидат экономических наук, доцент
кафедры менеджмента, информатики
и общегуманитарных наук Пензенского филиала
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
<https://orcid.org/0000-0001-7311-6280>

Юрасов Игорь Алексеевич

доктор социологических наук, доцент, профессор
кафедры менеджмента, информатики
и общегуманитарных наук Пензенского филиала
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации;
профессор кафедры государственного
управления и социологии региона
Пензенского государственного университета,
директор аналитического центра прикладных
исследований Института регионального развития
Пензенской области
<https://orcid.org/0000-0002-4884-6422>

Юдина Вера Александровна

кандидат экономических наук, доцент
кафедры менеджмента, информатики
и общегуманитарных наук Пензенского филиала
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
<https://orcid.org/0000-0002-0387-0314>

Зябликова Ольга Александровна

кандидат экономических наук, доцент
кафедры менеджмента, информатики
и общегуманитарных наук Пензенского филиала
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
<https://orcid.org/0000-0002-1624-0071>

**АНАЛИЗ ВИРТУАЛЬНОГО
ЦИФРОВОГО ПРОТЕСТА
В РЕЛИГИОЗНОЙ СЕМИОСФЕРЕ
ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ
ГОРОДОВ РОССИИ***

Аннотация:

Цифровизация, активно развивающаяся в России последние десять лет, оказывает влияние на протестные настроения людей, разделяющих религиозное мировоззрение. Предметом настоящего анализа стали формы виртуальной протестной активности в сети Интернет, которые классифицируются по следующим направлениям: протест против религии как института, защищающего существующие политические, экономические и социальные устои российского общества; протест против существующей официальной конфессиональной иерархии внутри нормативного религиозного дискурса; протест против внутриконфессиональных догматов, имеющих целью реформы или

Tanina Maria Alekseevna

PhD in Economics, Associate Professor,
Management, Informatics
and Human Sciences Department,
Penza branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0001-7311-6280>

Yurasov Igor Alekseevich

D.Phil. in Social Science, Associate Professor,
Professor, Management, Informatics
and Human Sciences Department,
Penza branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation;
Professor, Public Administration
and Region Sociology Department, Director,
Analytical Center for Applied Research,
Regional Development Institute
of the Penza region
<https://orcid.org/0000-0002-4884-6422>

Yudina Vera Alexandrovna

Associate Professor, Management, Informatics
and Human Sciences Department,
Penza Branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-0387-0314>

Zyablikova Olga Alexandrovna

Associate Professor, Management, Informatics
and Human Sciences Department,
Penza branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-1624-0071>

**ANALYSIS
OF DIGITAL PROTEST
IN THE RELIGIOUS SEMIOSPHERE
OF RUSSIAN
PROVINCIAL CITIES**

Summary:

Digitalization that have been actively developing in Russia over the past ten years have an impact on the protest moods of people who share a religious worldview. The subject of this analysis is the forms of virtual protest activity on the Internet, which are classified as: protest against religion as an institution that protects the existing political, economic and social foundations of Russian society from the atheism and other faiths and religious systems point of view; protest against the existing official confessional hierarchy within the normative religious discourse; protest against internal confessional dogmas aimed at reform or division. Digital protest activity is based on a marginal religious identity that does not affect the normative and confessional discourse, but is

* Публикация подготовлена по результатам выполнения исследования в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-011-31060 на тему «Протестная активность в сетевом информационном пространстве провинциального города: дискурс, структура, ценности»

раскол. В основе протестной цифровой активности лежит маргинальная религиозная идентичность, которая не затрагивает нормативно-конфессионального дискурса, а формируется в рамках политического, мифологического, идеологического дискурсов. Протестные настроения против религии как социального института, или атеистический протест, коррелируют с политическими и социально-экономическими протестными настроениями в провинциальных городах России.

Ключевые слова:
цифровизация, протест, религиозная семиосфера, маргинальная религиозность

formed within the framework of political, mythological, and ideological discourses. Protest moods against religion as a social institution, or atheistic protest correlates with political and socio-economic protest moods in provincial cities of Russia.

Keywords:
digitalization, protest and religious semiosphere, marginal religiousness

Актуальность настоящего исследования определяется важностью социотехнического анализа цифрового протеста в религиозной семиосфере для всего общества, т. к. протестные настроения в сетевом информационном пространстве религиозной семиосферы могут способствовать росту религиозного экстремизма в обществе, ксенофобии, которые могут привести к межнациональным и межрелигиозным конфликтам. Что касается актуальности исследования цифрового религиозного протеста для традиционных конфессий, то своевременное определение очагов протестной активности в сетевом информационном пространстве поможет предотвратить развитие конфессиональных расколов, псевдореформаций, экстремистских сектантских течений внутри нормативных религиозных конфессий современной России.

Протест – это обычная реакция общества на конкретную ситуацию в какой-либо сфере жизни людей. В основе протеста лежит оценочная деятельность людей, которые верифицируют то или иное положение вещей как отрицательное, недопустимое. Протестная активность в обществе формируется на основе социальных диспропорций, затрагивающих интересы общества и отдельных граждан. Протестная активность в социумах – это вид социальной активности, который проявляется в открытой негативной реакции на общественно-политические события, экономическую и социальную неустроенность, основными формами которой являются митинги, демонстрации, пикетирование, кампании гражданского неповиновения, забастовки, голодовки, прогулы, «протестное голосование», терроризм, экстремистские акции, жалобы, обращения в суд, вооруженная борьба и т. п.

Виртуальный протест представляет собой новую форму проявления гражданских инициатив через рост интенсивности сетевых взаимодействий в Интернете.

Виртуальное сетевое пространство амбивалентно влияет на цифровую протестную активность во всех общественных сферах [1, с. 67], в том числе в религиозной. С одной стороны, сетевые цифровые технологии предлагают все новые возможности и инструменты для выражения своей политической позиции. А с другой, они отчуждают пользователей от реального протестного движения, от реальных политических, экономических [2, с. 68], богословских дискуссий, концентрируясь на виртуальном взаимодействии.

В основе теоретико-методологического осмысления цифровой протестной активности в религиозном дискурсе, по мнению авторов исследования, лежат развитие и распространение маргинальной религиозной идентичности и медиатизация религиозных дискурсов. На основании более ранних авторских исследований делается вывод о существовании трех типов религиозной идентичности: нормативно-конфессиональной, фольклоризированной и маргинальной, и о двух векторах православной идентичности: «городской» и «сельской». Городской вектор религиозной идентичности отличается большим рационализмом, различной иерархией ценностей и различным дискурсивным сопровождением [3, с. 280]. Социологически маргинальная религиозная идентичность формируется на основе фольклоризированной православной идентичности сельского вектора православного вероисповедания, характеризуемого гипертрофированием социосемиотических смыслов крестьянской культуры. Социосемиологически маргинальная религиозная идентичность формируется социальной метонимией, которая гиперболизирует малые смыслы, выражающие традиции, обряды, бытовую культуру, аккумулируемые в мифологическом, идеологическом, политическом и художественном дискурсах, и одновременно редуцирует базовые, основополагающие философские и богословские смыслы [4].

Цифровой протест в религиозной семиосфере провинциальных городов Российской Федерации имеет свою специфику, которая коренится в базовых особенностях провинциального города:

- наличию традиционных, индустриальных и постиндустриальных отношений;

- повышении технической модернизации при отсутствии или слабом проявлении социальных инноваций;

- архаизации общественной жизни и общественных практик.

Эти особенности формируют ощущение потерь и являются причиной институциональных ловушек, невыразительности архитектурного облика регионов, дифференциальной урбанизации и дезурбанизации, неформальной занятости и «гаражной экономики», отсутствия уникальности и привлекательности в городском пространстве [5]. Базовое отличие российских мегаполисов от провинциальных городов состоит в замедлении социального времени. По сути, российская провинция и мегаполис находятся в различных временных измерениях.

Гипотезой исследования является то, что цифровой протест в религиозном дискурсе провинциальных городов России развивается на основе маргинальной религиозности [6] и касается, в первую очередь протестов против конфессиональных догматов, против строительства храмов на тех территориях, которые понимаются местным сообществом как территории общей рекреационной направленности. Также это протесты против официальных конфессиональных догматов, против официальной позиции основных российских конфессий, которые граничат с реформаторской активностью и усилениями, направленными на раскол традиционных конфессий.

Исследования проводились в июле–сентябре 2020 г. Авторы осуществляли анализ религиозной цифровой протестной активности в самой масштабной и влиятельной в российском сегменте Интернета социальной сети – «ВКонтакте», социальной сети «Одноклассники», российском сегменте Twitter, Facebook, в записях известных провинциальных блогеров, популярность и влияние которых определялись методом социологических исследований в Пензе, Саратове, Самаре, Оренбурге, Хабаровске, Екатеринбурге, Дагестане, Чечне, Хабаровске, Чите.

Методика поиска следов цифровой религиозной протестной активности включала шесть этапов:

- 1) составление списка ключевых слов на основе анализа digital-СМИ и статистических параметров частоты употребляемости слов в публикациях (список ключевых слов был сформирован вокруг тем, включающих религиозную проблематику);

- 2) определение периода исследования – с 1 по 28 февраля 2019 г. и с 1 февраля по 30 сентября 2020 г.;

- 3) анализ целостности данных в Kibana/Discovery по каждому ключевому слову за выбранный период;

- 4) внесение отсутствующих ключевых слов в рабочее задание для скриптов на PHP, получающих информацию из VK API и сохраняющих ее в ElasticSearch;

- 5) анализ сетевой публикационной активности популярных блогов;

- 6) анализ структуры контента и структуры профилей, а именно: анализ текстов (корректировка ключевых слов для фокусировки на определенных текстах) и профайлинг авторов (групп, страниц, событий, пользователей), составляющих выявленные страницы, посвященные цифровой протестной активности в религиозной сфере жизни российского провинциального социума.

В сферу анализа попали записи в популярных блогах, социальных сетях, касающиеся православной конфессии и ислама. В виду наличия малого количества населения, исповедующего иудаизм в провинциальных городах Российской Федерации, и из-за догматических оснований традиционного буддизма, крайне негативно относящегося к любым формам протестов против существующих политических, экономических и социальных реалий, эти конфессии не дали сколько-нибудь значительных примеров виртуального протеста. Исламский дискурс не дает однозначного ответа, касающегося разреженности протестов в виртуальном и реальном пространстве.

Три типа религиозной идентичности: нормативно-конфессиональная, фольклоризированная и маргинальная – формируются как под воздействием ценностных, социокультурных факторов, так и под влиянием специфических смыслов, объединенных в различные дискурсы, под которыми понимаются семантические системы, передающие основные темы и топосы (элементы дискурса). Сама идентичность может формироваться, поддерживаться и функционировать в различных дискурсах. Влияние тех или иных видов дискурса может определять специфический вектор идентичности [7].

В социальной реальности начала XXI в. религия подвергается глобализации и медиатизации, как и другие сферы общества [8]. Институты религиозных профессионалов, мирян, религиозного образования формируют новые транснациональные и религиозные идентичности, лишённые привязки к конкретным национальностям, культурам и государствам [9].

С. Хьярвард исследовал медиатизацию религии как форму изменения социокультурной активности религиозных институтов, их десакрализацию, банализацию и адаптацию к образу действия современных медиа. По его убеждению, традиционные и цифровые СМИ превращают религию в пеструю многоярусную структуру, сопутствующую яркому проведению досуга [10].

Ф. Кротц и А. Хепп, Н. Коулдри считают, что медиатизация – это специфический исторический и культурно многомерный метапроцесс социальных трансформаций повседневности, многих элементов конструкций идентичностей и социальных отношений [11]. Медиатизация варьируется в различных группах и сообществах, и может значительно отличаться по содержанию и охвату в различных культурах. Ее можно поставить в один ряд с такими процессами онтологических изменений общества, как индивидуализация, коммерциализация и глобализация [12].

Процесс медиатизации формируется не только медиатехнологиями как некоей внешней по отношению к социальным акторам и коммуникациям силой. Он порождается расширением набора различных видов социальных коммуникаций за счет разнообразных и многочисленных медиакommunikаций. В наборе социальных коммуникаций современного общества выделяются следующие типы: взаимодействие лицом к лицу без посредства технических медиа, реципрокальная медиакommunikация, массмедийные коммуникации, виртуализированные медиакommunikации. Важнейшим отличием трех из перечисленных видов медиакommunikаций является их разрыв со спецификой контекста пространства и времени, сужение и стандартизация символических смыслов [13].

Медиатизация социумов – это глобальный метапроцесс, стимулирующий реинституционализацию семантических структур всех подсистем. Медиатизация общества расширяет коммуникативный набор социальных практик, взаимодействий, организаций с помощью формирования их медиаизмерений. Медийные социальные миры, возникающие в социальном процессе медиатизации, не являются отличными от общества, не становятся некоей новой киберреальностью с неизвестными входами и выходами. Медийные социальные коммуникации – это вид социальных инноваций, производимых обществом в ходе реинституционализации его подсистем.

Медиативизация религии – это процесс ее цифрового воспроизводства в медиaprостранствах общества. Медиативизация схожа с процессом институционализации и включает в себя следующие этапы:

1. объективация коммуникативных смыслов семиосфер – здесь формируются доктрина, коммуникативные практики, бинарный код;
2. генерализация – письменная фиксация смыслов, установление иерархии;
3. рефлексия установленных смыслов – формирование цензуры и селекция смыслов.

В религиозной медиасфере различаются два типа СМИ: корпоративные религиозные СМИ и частные. Первые являются официальными профессиональными медиа, которые ставят перед собой цель создания единого информационного поля конкретной конфессии. Вторые представляют собой социокультурную фигурацию религиозно-фундаменталистских или либеральных профессиональных медиа.

Фигурации и формирование медийных миров религий цензурятся верхушкой конфессий, подвергаются определенной селекции. По отношению к отдельным специфическим медийным конструкциям высказываются негативные мнения вплоть до их запрета и блокировки. Возникшие автономно, иногда анонимно, на этапе генерализации они подверглись системной соподчиненности по принципу воспроизводства иерархически устроенной организационной структуры религиозной конфессии.

Медиаповестка, контент и структура христианских и мусульманских медиа воспроизводят консервативные традиционалистские установки этих конфессий. Е.И. Гришаева и В.А. Шумкова считают, что «корпоративные православные медиа руководствуются церковным принципом иерархичности в организации своих материалов, новостей и ранжировании авторов, репрезентация общества и мира сужается до коммуникаций вокруг событий, значимых для церкви и циклического церковного календаря» [14].

В 2016 г. были созданы православные каналы в социальных сетях и православный мессенджер в мобильном приложении Telegram. Медиатизация православия в Интернете создала конкретные инновации его институционально-коммуникативной среды – в священническом сообществе и коллективах мирян. Интернет-пространство сделало возможным перераспределение доступа к харизматическому влиянию священнослужителей и открыло новые каналы трактовки истины.

Цифровой протест против религии как социального института ведут известный антиправославный публицист А. Невзоров, сайт «Атеист», антицерковные телеграм-каналы. Следует сразу оговориться, что атеистический и антиклерикальный протест направлен в сетевом информационном пространстве в основном против православной церкви Московского патриархата, намного реже против католичества (13,5 % от общего количества публикаций) и совсем не затрагивает ислам, буддизм, индуизм, иудаизм, христианские протестантские конфессии. Антиклерикальный протест специально направлен против одной конфессии, считающейся базовой скрепой российской цивилизации.

Несмотря на довольно высокие показатели популярности в социальных сетях, по данным авторских социологических исследований, проведенных в июле–сентябре 2020 г. в Пензе, Саратове, Саранске, Самаре, Оренбурге, Сочи, Хабаровске, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Уфе (n = 1 689), А. Невзорова знают 64,1 % опрошенных, но только 8 % одобряют его деятельность.

Следующий аспект цифрового протеста против религии как социального института выражается в виртуальном протесте против строительства храмов РПЦ МП. Начало цифрового протеста против строительства храмов положила группа в социальной сети «ВКонтакте». В Санкт-Петербурге в январе 2017 г. было предложено вернуть РПЦ Исаакиевский собор, тогда же была создана страница «Защитим Исаакиевский собор». По сведениям участников, она подвергалась неоднократной блокировке, но летом и осенью 2020 г. она была легко доступна и насчитывала 7 157 подписчиков.

В исследуемых городах (Пензе, Саратове, Саранске, Самаре, Оренбурге, Сочи, Хабаровске, Нижнем Новгороде, Уфе, Чите), не зафиксированы следы цифрового протеста против строительства и передачи храмов. Исключение составляет Екатеринбург, где весной 2019 г. начались протестные выступления против строительства кафедрального собора. Была также создана группа «ВКонтакте», которая насчитывала на сентябрь 2020 г. 120 подписчиков [15].

Таким образом, протест против религии как социального института не пользуется популярностью ни у молодежи, ни среди респондентов среднего и старшего возраста провинциальных городов России. Это объясняется спецификой атеистического дискурса, религиозоведческой теорией, согласно которой, по данным последних социологических опросов, порядка 80 % жителей российской провинции относят себя к православным верующим [16].

Цифровая протестная активность внутри религиозного дискурса является наиболее активной, популярной в среде православных верующих. Основными темами этого протестного дискурса являются:

- критика церковных недостатков и нравов;
- критика церковной кадровой политики;
- критика назначений на епископские кафедры;
- критика проправительственных выступлений верующих и церковных иерархов;
- вопросы влияния цифровых технологий на жизнь;
- проблемы старчества и младостарчества;
- борьба с грехами и страстями из своего опыта;
- взаимоотношение с инославными;
- взаимоотношения в семье;
- отношение к экстрасенсам, колдунам;
- эмоциональное выгорание верующих;
- школа молитвы;
- протест против гомосексуального лобби в РПЦ;
- критика бизнес-проектов РПЦ и др.

Особое место в цифровом религиозном протесте занимает протест против внутриконфессиональных догматов. Если цифровой религиозный протест инициируется, как правило, маргинальной религиозной идентичностью, то этот тип протеста связан с прямой деформацией религиозной идентичности – с псевдostarчеством, когда религиозно малоопытный священнослужитель берет на себя функции духовного руководителя, не имея на это никаких оснований. Причинами этого современные религиоведы и богословы называют серьезные пробелы в религиозной образованности многих мирян православной церкви. Многие из этих религиозных блогеров запрещены в служении и лишены сана, среди них архимандрит Иоаким (Парр)* [17], протоиерей Владимир Головин [18], священник Георгий Кочетков и др.

Начиная с 2017 г. цифровой интерес к публикациям архимандрита Иоакима существенно падает, за три года было всего 1 473 репоста, 467 комментариев, общее количество подписчиков – 4 190 человек. Интерес к цифровой протестной активности опального монаха в России низкий, в провинциальных городах, по данным опроса 2020 г. (n = 1 689), его знает 8,9 % россиян, поддерживает его деятельность 1,8 %, в провинциальных городах (Пензе, Саратове, Саранске, Самаре, Оренбурге, Сочи, Хабаровске, Нижнем Новгороде, Уфе, Чите) о его деятельности информированы только 3,1 % опрошенных, составляющие костяк воцерковленного социума. Обычным респондентам, называющим себя в большинстве опросов православными верующими и составляющими 80 % православного сообщества, его деятельность неинтересна. Активные православные провинциальных городов России поддерживают его деятельность так же, как и в целом по России – 1,8 %.

* Последняя публикация в блоге (6 262 участника) была 22.09 2019 г. Блог приостановлен.

Церковный цифровой протест, направленный против внутриконфессиональных догматов, неинтересен жителям провинциальных городов России, слабый интерес к нему проявляет небольшая группа образованных православных, которые, в общем, не поддерживают их протестной активности.

Проанализировав цифровую протестную активность в русскоязычном сегменте Интернета, авторы пришли к выводу о том, что в рунете представлены три вектора цифрового церковного протеста против существующего положения вещей в Российской Федерации, а именно: протест против религии как социального института (атеистический протест), протест против существующей официальной конфессиональной иерархии внутри нормативного религиозного дискурса и протест против внутриконфессиональных догматов. Наиболее популярным в сегменте Интернета провинциальных городов России является протест против существующей официальной конфессиональной иерархии внутри нормативного религиозного дискурса. Наименьший интерес вызывает протестная дискуссия о внутриконфессиональных догматах.

Ссылки:

1. Ушкин С.Г. Влияние виртуальных социальных сетей на протестную активность в российском обществе : дисс. ... канд. социол. наук. Саранск, 2015. 168 с.
2. Ушкин С.Г. Указ. соч. С. 68.
3. Юрасов И.А., Танина. М.А. Феномен маргинальной религиозной идентичности: дискурс, структура // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 279–283. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-279-283>.
4. Юрасов И.А., Танина. М.А. Указ. соч.
5. Юрасов И.А., Танина. М.А. Указ. соч.; Гуревич П.С. Религиоведение. М., 2016. 573 с.
6. Хегглунд Б. История теологии. М., 2001. 370 с.
7. Чэнь Ди. Социальные сетевые медиа и социальные сети в концепциях американских и российских исследователей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. № 3. С. 223–230.
8. Lovheim M. Mediatization of religion: a critical appraisal // Culture and Religion. 2011 Vol. 12, no. 2. P. 153–166. <https://doi.org/10.1080/14755610.2011.579738>.
9. Lovheim M. Identity // Campbell H.A. (Ed.). Digital religion. Understanding religious practice in new media worlds. L., N.Y. 2013. P. 41–56.
10. Lovheim M. Mediatization ...; Lovheim M. Identity ...; Couldry N., Hepp A. The mediated construction of reality. Cambridge, 2016. 256 p.
11. Hepp A. Mediatization and the 'Molding Force' of the Media. Communications. 2012. Vol. 37, no. 1. P. 1–28. 10.1515/commun-2012-0001.
12. Изучение процесса онлайн-радикализации молодежи в социальных медиа (междисциплинарный подход) / А.Ю. Карпова, А.О. Савельев, А.Д. Вильнин [и др.] // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 159–181. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1585>.
13. Couldry N., Hepp A. Указ. соч.; Hepp A. Указ. соч.; Изучение процесса онлайн-радикализации ...
14. Гришаева Е.И., Шумкова В.А. Традиционалистские православные медиа: структура дискурса и особенности функционирования // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 291–308. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.17>.
15. Против строительства «Храма на воде» Екатеринбург [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/club129352620> (дата обращения: 03.11.2020).
16. Аринин Е.И., Петросян Д.И. Особенности религиозности студентов // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 71–77; Бабич Н.С., Хоменко И.В. Шкала «предрасположенность к религиозности»: концептуальные основы // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 65–71/
17. Схиархимандрит Иоаким Парр – медиатека бесед [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/iaokimparr> (дата обращения: 03.11.2020).
18. Проповеди о. Владимира Головина [Электронный ресурс]. URL: <http://vladimir-golovin.ru> (дата обращения: 03.11.2020).

Редактор, переводчик: Невзорова Наталья Викторовна